

**К описанию некоторых свойств русских глаголов,
обозначающих положение тела в пространстве
(концепт пространства в лингвистике
и некоторые специфические особенности его реализации
в русском языке)**

© С. В. Федотова (Италия), 2001

Концепт пространства, его восприятие, определение и выражение является одним из основных и вечных вопросов, занимающих умы человечества. Человеческое сознание воспринимает действительность через восприятие пространства и выражает ее определенными языковыми средствами, специфическими для данного языкового коллектива, создавая то, что мы называем «языковой картиной мира» (о проблеме изучения языковой картины мира см. у Яковлевой 1994, Апресяна 1986, Постоваловой 1988, Цивьян 1990). С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующихся этим языком; с другой стороны, овладевая языком, и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры [11, с.7].

Общепризнанно сосуществование двух различных систем понятий – научных, используемых в математике, геометрии, физике, астрономии и др. науках, и понятий ненаучных, так называемых «наивных», существующих в сознании любого человека любого возраста с того момента, как он становится в состоянии выражать окружающую его действительность языковыми средствами и независимо от его знаний в той или иной области науки (ср. введение понятий временной и пространственной отдаленности в детское сознание на самом раннем этапе через фольклорно-сказочные произведения «... давным-давно, в тридевятом царстве, тридесятом государстве жил-был...»). Таким образом, научная модель мира и наивная оперируют как бы на разных (но все же сообщающихся) этапах человеческого сознания, которое по необходимости выбирает те или иные языковые средства для отражения фактов действительности. Сфера научного представления о мире, однако, более ограничена с той точки зрения, что она гораздо реже используется для отражения понятий общих для научных теорий и обыденного сознания, несмотря на то, что бурное развитие технического прогресса и популяризация научных достижений неизмеримо ее расширили.

Как для наивной, так и для научной картин мира категория пространства является одной из основных для осознания и восприятия действительности. Существует два понимания пространства, так называемое пространство по Ньютону и по Лейбницу. Пространство по Ньютону — это «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися...» Пространство по Лейбницу — «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей» [9, с. 228]. Принимая во внимание вышесказанное о научной и наивной картинах мира, можно представить себе, что языковые средства современного человека, используемые им для выражения концепта пространства, заполняют как бы перевернутый конус, где внизу располагаются языковые единицы для выражения универсального геометрического пространства, Ньютоновского, занимая самую узкую часть конуса. Выше находятся языковые единицы, используемые для выражения относительного пространства физического и умозрительного на уровне бытового сознания, гораздо большие по количеству, а главное, более наполненные в семантическом плане и зависящие от личного опыта и сознательных интенций отдельного индивидуума. Еще выше мы можем поместить языковые единицы для выражения художественного пространства литературы, еще более семантически наполненные в зависимости от пространственных представлений отдельного автора. О принципиальной разнородности художественного пространства литературы и пространства геометрического говорит М. Ю. Лотман в работе о художественном пространстве в прозе Н. В. Гоголя, ср.: «... понятие пространства не есть только геометрическое», «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [7, с. 274, 252-253]. Таким образом создается особая пространственная терминология, наполненная вторичными смыслами, а «пространственная схема имеет тенденцию к превращению в абстрактный язык, способный выражать разные содержательные понятия» (7, с. 278). Естественно, резкого разграничения между тремя составляющими конуса нет и быть не может, скажем, что в приграничных зонах существует некий взаимообмен языковыми единицами, реже — взаимообмен их семантической наполненностью. Что касается лингвистики, то в лингвистических исследованиях пространство представляется, скорее, синкретично: оно совмещает в себе и черты физико-геометрического пространства (ньютоновского) и черты пространства, условно говоря, «семиотического» (лейбницевого) [12, с. 19].

В настоящей работе будут рассмотрены некоторые русские глаголы, выражающие специфику языкового отражения пространства в рус-

ском языке, а именно, глаголы, выражающие положение / местоположение тела в пространстве (называемые также позиционными глаголами): *стоять, сидеть, лежать, висеть*. Основной функцией этих глаголов является связывание субъекта или объекта с локусом, указывая при этом геометрическое положение тела в пространстве.

Глаголы *стоять, сидеть, лежать, висеть* могут употребляться для обозначения положения в пространстве как одушевлённых предметов, так и неодушевлённых. Для неодушевлённых предметов исключение составляет глагол *сидеть* в значении геометрического положения в пространстве (т. е. находиться в вертикальном или горизонтальном положении, согнув конечности под прямым, острым или тупым углом) употребляемый, однако, в других значениях. Глаголу *стоять* со значением находиться на несогнутых ногах / лапах в вертикальном или горизонтальном положении соответствует для неодушевлённых предметов значение находиться в вертикальном положении. Иногда, при употреблении с некоторыми существительными (многочисленную группу подобных существительных составляют названия животных) глагол *стоять* обозначает два различных геометрических положения: кот, тигр, медведь *стоят* в горизонтальном положении на четырёх лапах и в вертикальном положении на двух лапах. Глаголу *лежать* со значением вытянуться всем телом на чем-либо для одушевлённых существительных соответствует для неодушевлённых существительных значение находиться в горизонтальном положении широкой своей частью на какой-либо плоскости. Глагол *висеть* означает как для одушевлённых, так и для неодушевлённых существительных нахождение в подвешенном состоянии независимо от вертикального или горизонтального положения тела, ср.:

1. Кончался март. Моросил дождь. Голые тополя *стояли* в тумане (К. Паустовский).
2. Впрочем, к улице Горького я почему-то скоро привык и уже с трудом мог восстановить в памяти, где какие *стояли* церкви, колокольни, магазины, рестораны (В. Катаев).
3. В раскисших полях *стояла* дождевая вода (К. Паустовский).
4. На могиле ее король поставил памятник. Высокий слон из черного мрамора с золотой короной на голове *стоял*, печально опустив хобот, в густой траве, доходившей ему до колен. Под этой травой *лежала* Катюша Весницкая – молодая королева Сиама... (К. Паустовский).
5. Трамвайные часы *висят* над перекрёстком. Они напоминают бочонок – не правда ли? (Ю. Олеша).
6. Молодой месяц низко *висел* над лесом, и нежный его свет блестел в дождевых лужах (К. Паустовский).
7. Мы сделали большой круг и мимо Владимирского собора вышли к Николаевскому скверу – как раз к тому месту, где недавно я *висел* на ограде, кричал "ура" и махал фуражкой (К. Паустовский).

8. На скамье сидела компания: девушка, молодой человек и некий ученый старик (Ю. Олеша).
9. Все офицерское сидело на нем криво и косо. Даже брянские гимназисты дразнили его "штафиркой" (К. Паустовский).

Правильное употребление глаголов положения представляет собой немалые трудности при обучении русскому языку иностранных учащихся по многим причинам. Во-первых, во многих европейских языках для определения положения предмета в пространстве вместо глаголов положения используются абстрактные глаголы, соответствующие русским глаголам *быть*, *находиться* или же специфические глаголы. Во-вторых, русские глаголы положения могут иметь определённую специфику употребления с некоторыми группами существительных, трудно объяснимую по сравнению с логически последовательным стандартным их употреблением. В-третьих, эти глаголы могут выполнять функции, отличные от функции выражения положения тела в пространстве. Кроме того, глаголы положения имеют множество переносных значений. Всё вышеперечисленное является причиной того, что русские глаголы положения без особых трудностей понимаются и переводятся иностранными учащимися на их родной язык в случае наличия русского контекста, но редко и часто неправильно используются ими при самостоятельном создании ситуативного контекста на русском языке или при переводе на русский язык.

Попробуем провести сравнительный анализ несложных высказываний на русском языке с аналогичными высказываниями в итальянском языке, ср.: *Олег уже целый час стоит за дверью. E' un'ora che Oleg sta dietro la porta (стоять-stare). Швабра стоит в кладовке в углу. La scopa è nel ripostiglio, nell'angolo. (стоять-essere). Собака спокойно сидела у входа. Il cane se ne stava tranquillo all'ingresso (сидеть-stare). На лбу его сидела огромных размеров шишка. Sulla sua fronte c'era un bernoccolo di enormi dimensioni (сидеть-essere). Вася весь день лежит в постели. Vasya tutto il giorno sta a letto (лежать-stare a letto). Твоя книга лежит у меня на столе. Il tuo libro è sul mio tavolo (лежать-essere). Бабушкина картина висит в гостиной ее загородного дома. Il quadro di nonna si trova nel soggiorno della sua casa di campagna (висеть-trovarsi). Паук висел на длинной нити паутины. Il ragno era sospeso sul lungo filo della sua ragnatela (висеть-essere sospeso).*

Из данных примеров видно, что важным для русского языка является не просто указание на нахождение где-либо какого-либо тела, а указание именно на его геометрическое положение. Затем путем присоединения предложно-падежной конструкции указывается его местоположение относительно других предметов находящихся в окружающем пространстве (физическом или умозрительном). В. Г. Гак в своей работе «Русский язык в сопоставлении с французским», рассматривая

способы выражения положения тела в пространстве, уже отмечал, что глаголы *стоять, сидеть, лежать, висеть*, очень распространённые в русском языке, являются непосредственными синонимами французских глаголов *être, se trouver, être placé*, выражения *il y a*, но не имеют прямых параллелей во французском языке [5, с. 165]. То же самое можно отметить и применительно к итальянскому языку. Как видно из вышеприведённых примеров, в итальянском языке для передачи аналогичного смысла в аналогичных высказываниях используются преимущественно абстрактные глаголы *essere, stare, trovarsi* etc. Кроме абстрактных глаголов в итальянском языке для обозначения положения предмета могут использоваться и другие группы глаголов (например, специфические или локальные глаголы и конструкции: *circondare – окружать, dominare – возвышаться, crescere – расти* (о деревьях), *estendersi – простираться*) – как, впрочем, и в русском, с той разницей, что в том случае, когда положение тела в пространстве ясно из ситуации и итальянский язык предпочтёт абстрактный глагол, для русского языка характерен выбор все же позиционного глагола. Очевидно, что устойчивые предметные отношения объективной реальности отражаются по-разному в русском и итальянском языках и «геометрическое» видение предмета подсознательно превалирует в русском языке.

В. Г. Гак уже отмечал, что в том случае, когда позиционные глаголы употребляются в избыточной функции, то есть обозначают положение, которое заранее ясно из ситуации, они утрачивают собственное значение, десемантизируются и выступают как функциональные эквиваленты глагола *быть* и других глаголов обозначающих состояние [5, с. 171]. С нашей точки зрения, в этих случаях можно отметить два типа десемантизации: полную и частичную. Оговоримся сразу, что под десемантизацией здесь понимается лишь отсутствие первичного значения геометрического положения тела в пространстве. Для одушевлённых существительных в большинстве случаев характерна частичная десемантизация. Сравним:

- (1) Он долго *стоял* и смотрел на заходящее солнце.
E' rimasto a lungo a guardare il tramonto.
- (2) *Сиди* спокойно, пожалуйста!
Stai fermo, per favore!

В данных высказываниях для русского эквивалента явно присутствует подсознательно важное указание именно на занимаемое субъектом геометрическое положение в пространстве, поскольку при возможной замене позиционного глагола смысл высказывания меняется, обозначая и в этом случае состояние субъекта, но уже в другом положении:

- (10a) Он долго *сидел* и смотрел на заходящее солнце.
(11a) *Стои* (или *лежи*) спокойно, пожалуйста!

На итальянский язык вообще сложно перевести такие высказывания как: *стой спокойно, сиди спокойно* или *лежи спокойно* (в смысле не шевелись, не двигайся), обозначив при этом точное геометрическое положение тела. Носитель итальянского языка во всех трёх случаях скорее всего употребит одно и то же высказывание: *stai fermo*, никак не обозначив положения тела, передав лишь команду оставаться в неподвижном состоянии. Очевидно, чтобы получить полную десемантизацию при обозначении состояния, эквивалентом глагола *быть* должен являться не позиционный глагол или же позиционный глагол в утвердившемся переносном значении в сочетании с определенным существительным: *стоять на страже закона, порядка*. Здесь совершенно невозможно заменить употреблённый глагол ни на какой другой позиционный глагол, и он действительно имеет в этом случае только значение *быть*.

Наличие частичной десемантизации можно отметить и для случаев, когда позиционные глаголы дублируют глагол *быть*, выступая как связки в сложном сказуемом, обозначающем временное состояние субъекта (что является ещё одной их функцией), ср.:

(3) Он *лежит* больной.

E' a casa malato.

Полной десемантизации не происходит, так как выражение он *лежит* *больной* явно указывает на то, что болезнь серьезная, при которой человек вынужден оставаться в постели. Если у кого-то сломан палец, то про него не скажут он *лежит* *больной*, более подходит он *сидит* *дома* со сломанным пальцем. Пожалуй, высказывание он *лежит* *больной*, из-за присутствия позиционного глагола *лежать* становится более семантически наполненным по сравнению, например, с он *болеет*, давая понять, что болезнь достаточно серьезная. Однако выражение он *лежит* *в больнице* может в зависимости от ситуации вообще не иметь значения 'находиться в лежачем положении', которое обычно занимает больной; в больнице, например, можно лежать на обследовании, то есть просто находиться там, не будучи вынужденным конкретно лежать.

Как мы указали выше, полная десемантизация позиционных глаголов происходит при наличии переносного утвердившегося значения в сочетании с определенными лексемами при определенной падежной конструкции (ср.: *стоять на страже* + Р.п. – *стоять на страже закона, порядка*; *сидеть в девках* = *быть не замужем*).

Рассмотрим критерий динамичность / статичность. Выражение статичности тела является ещё одной функцией глаголов положения. В этом случае можно отметить наличие полной десемантизации, так как, противопоставляясь глаголам движения (*идти, ехать, двигаться*), они выражают не геометрическое положение предмета, а лишь его неподвижность, ср.:

(4) Поезд *идет* – поезд *стоит*.

(5) Работа *идет* – работа *стоит*.

(6) Тучи *плывут* (двигаются) – тучи *висят* над городом (неподвижно).

(7) Вода *течет* (в реке) – вода *стоит* (в пруду) (примеры из работы В. Г. Гака [5, с. 172]).

В этом случае полная десемантизация позиционного глагола происходит, когда мы имеем дело с неодушевленным предметом, если же речь идет об одушевленном субъекте полной десемантизации не происходит, ср.:

Человек *идет* – человек остановился и *стоит* (на ногах, а не сидит или лежит).

Больной *ходит* – больной *лежит* (в постели, хотя в постели можно и сидеть, но, по большей части, если человек болен, то в постели он лежит или полулежит).

Исключение составляет глагол *сидеть*. Полная десемантизация наблюдается при его употреблении не только с неодушевленными существительными (что происходит всегда), но и с одушевленными существительными, ср.:

(8) На носу у неё *сидел* противный прыщ (неодуш. сущ.).

(9) На блузке у неё *сидело* жирное пятно (неодуш. сущ.).

(10) Костюм *сидел* на нём просто отлично (неодуш. сущ.).

При этом глагол *сидеть* часто (но не всегда) приобретает некий негативный оттенок, подчёркивая отрицательное отношение говорящего к факту. Рассмотрим случаи его употребления с одушевленными существительными.

(11) Она уже целый месяц *сидит* дома с больным ребенком.

(12) Весь день сегодня *сижу* дома, жду звонка.

(13) В инкубаторе я *просидел* четыре месяца (Д. Хармс).

Выражения *сидеть дома*, *сидеть в тюрьме*, *сидеть в сумасшедшем доме*, *сидеть на чём-либо месте*, *сидеть без работы*, *сидеть в девках*, *сидеть в воде* (долго купаться) являются для одушевленных существительных примером, предполагающим отсутствие, даже подсознательное, «геометрического» видения положения тела:

(14) Интересно, кто сейчас *сидит* на моём месте? Кто-нибудь да *сидит*... Молодой врач вроде меня (М. Булгаков).

(15) Пошел в речку. *Сидел*, *сидел* в воде у краюшка, не стынет, потому жаррица, и вода теплая (Вяч. Шишков).

Близкие же по значению *сидеть без дела* и *сидеть сложа руки* предполагают такое подсознательное видение, так как если человек не находится в сидячем положении, вместо *ну, что ты сидишь, без дела, займись чем-нибудь!* скорее скажут *ну, что ты болтаешься без дела (ходишь туда-сюда), займись чем-нибудь!*

Ещё одной функцией позиционных глаголов является использование их как знаков предикации при обозначении явлений природы, смены времен года и частей суток, воздействий окружающей среды на чув-

ства человека (звуки, запахи, холод, тепло, темнота, свет и т.п.), [5, с. 172]. При этом также происходит полная их десемантизация, ср.:

(16) Тонкий туман брызг *висит* кисеей во всю громадную высоту потрясенных обрывов (В. Катаев).

(17) Томная ночная жара неподвижно *висела* в бездыханном воздухе улиц, заросших акациями (В. Катаев).

(18) Роскошная августовская ночь *висела* над миром (В. Катаев).

(19) За окнами *стояла* тишь. Ни одного звука войны не доносилось (А. Бек).

(20) Пользуясь случаем, рыбаки переговаривались, свесивши руки и чубы за борт. Гам *стоял*, как на привозе (В. Катаев).

(21) Серое асфальтовое небо *стояло* над садами (В. Катаев).

(22) Здесь, в городе, все еще *стояло* густое, роскошное лето (В. Катаев).

(23) В ложбине все еще *лежал* густой туман.

(24) Ночь *стояла* поздняя, глухая, ни единой звезды не было над головой (К. Паустовский).

(25) Вторую неделю *стояла* страшная жара.

Интересно употребление позиционных глаголов с существительными, обозначающими атмосферные явления. Например, с существительным *туман* могут употребляться три позиционных глагола: *стоять*, *сидеть*, *лежать*: туман *стоял*, *лежал*, *висел*. Выбор позиционного глагола зависит в данном случае от положения наблюдателя. Выражение туман *стоял стеной* может быть употреблено, когда наблюдатель находится как бы «внутри» тумана, туман *лежал*, когда наблюдатель находится «над» туманом (32), а туман *висел*, когда наблюдатель находится «под» туманом, например, в момент, когда туман опускается (25). С существительным *жара* могут сочетаться глаголы *стоять* (34) и *висеть* (26). Возможное употребление двух позиционных глаголов можно отметить для существительных *дым* и *запах*:

(26) *Стоял* слабый запах гари. Всё вокруг было затянуто струящейся мгlistой пеленой (А. Бек).

(35а) Нежный запах цветущих акаций *висел* в неподвижном воздухе (В. Катаев).

(27) В сенях не выводилась осенняя грязь, а в комнате столбом *стоял* мажорочный дым (В. Катаев).

(36а) Табачный дым неподвижно *висел* над столом, все давно ушли (В. Каверин).

Для существительного *дождь* характерно употребление глагола движения *идти*: *дожди идут*; однако может быть употреблен и глагол *стоять*:

(28) В то лето *стояли* проливные дожди.

Полная или частичная десемантизация соотносятся с грамматическим значением позиционных глаголов. С грамматической точки зрения все четыре позиционных глагола (*стоять*, *сидеть*, *лежать* и *висеть*) являются глаголами несовершенного вида. Основным значением глаго-

лов несовершенного вида является актуально-длительное значение, хотя далеко не все глаголы имеют его. Позиционные глаголы входят в группу глаголов, имеющих это значение; они описывают процесс или состояние, длящиеся в момент наблюдения. Кроме того они могут иметь и неактуальное, постоянно-непрерывное значение, ср.:

(29) Он *стоит* и смотрит на меня.

(30) Замок *стоял* в узкой долине, со всех сторон окруженной горами.

(31) Она *лежит* и читает.

(32) Этот небольшой город *лежит* к югу от границы.

Поэтому естественно употребление позиционных глаголов в тех случаях, когда необходимостью является обозначение постоянных свойств или соотношений, когда ситуация либо вообще не локализована во времени, либо ограничена временем существования своих участников [6, с. 65, 66], ср.:

(33) Лаккадивы *лежат* к западу от Мальдивских островов.

Вернёмся к первичной функции позиционных глаголов, функции обозначения местоположения предмета с указанием его геометрического положения. При сочетании глаголов положения с определёнными существительными наблюдается следующее явление: они могут дублировать друг друга, то есть называть одно и то же положение тела в пространстве. А для некоторых групп существительных, наоборот, может быть характерно употребление лишь одного позиционного глагола, обозначающего два различных положения тела в пространстве. В случае, когда позиционные глаголы дублируют друг друга, называя одно и то же положение тела, на выбор позиционного глагола может влиять размер предмета. Далеко не все существительные обладают такой способностью, например, *книга*, даже самая маленькая, если она находится своей широкой частью на какой-либо плоскости, то она всегда *лежит*, если она опирается на плоскость узкой частью с любой стороны, то она всегда *стоит*. По другому ведёт себя, например, существительное *гриб*. По отношению к этому существительному можно использовать два глагола, даже если он занимает в пространстве одно и то же геометрическое положение. Большой гриб на высокой ножке (подберезовик, подосиновик, мухомор) обычно *стоит*, а крепкий, толстенький боровик или масленок – *сидит*, хотя в общем употреблении обоих глаголов довольно частотно:

(34) Под огромной елью *стоял*, красуясь, гордый ярко-красный мухомор.

(35) Из травы торчат десятка два белых, разных размеров. – Вы нарочно натыкали, – смеется Марья Михайловна. – Попробуйте, сорвите. Я нагибаюсь, пробую, гриб *сидит* прочно (Вяч. Шишков).

На выбор позиционного глагола в данном случае может влиять и положение наблюдателя. В обычной ситуации, когда пропорциональное соотношении между грибом и человеком реальное, могут использовать-

ся оба глагола, а в фольклорно-сказочной ситуации, когда пропорции могут не соответствовать реальности или когда речь идет о ядерном грибе (когда существительное *гриб* используется в переносном значении) предпочтение отдается глаголу *стоять*.

Интересно употребление глагола *сидеть* и по отношению к птицам. Здесь наблюдается обратное явление: глагол *сидеть* может обозначать два различных положения птицы в пространстве и это зависит от размера птицы. Длинноногие птицы, такие как цапля, журавль, аист обычно *стоят*; в определенной ситуации, например, в гнезде, могут *сидеть*. Крупные, но коротконогие домашние птицы (курица, утка, гусь, индюк) тоже могут *стоять* или же *сидеть*, выбор глагола зависит от конкретного положения, занимаемого птицей. Маленькие же птички (воробей, трясогузка, синица) обычно *сидят* не только в гнезде, когда они занимают естественное сидячее положение, высиживая птенцов, но и, например, на дороге, когда они занимают вовсе не сидячее положение.

По отношению к птице (любой), если она *сидит* на ветке или на плече (скажем, попугай) или на руке (голубь, сокол) употребляется всегда глагол *сидеть*, не зависимо от того, занимает ли она действительно сидячее положение или же стоит, ср.:

(36) На плече у матроса *сидел* белый с жёлтым хохолком попугай.

(37) Коршун или ворон, не знаю, большая птица с горбатым клювом *сидит* на платане, раскинув острые крылья (В. Каверин).

Редко по отношению к птицам может употребляться глагол *висеть*, конкретно для тех птиц, которые обладают способностью как бы зависать в воздухе неподвижно, мелко перебирая крыльями (например, жаворонок).

Назовем еще одну группу существительных, для которой характерно присоединение одного позиционного глагола для выражения двух разных типов геометрического положения в пространстве. В эту группу входят некоторые существительные, обозначающие предметы сервировки стола, такие как *тарелка*, *блюдо* и другие, достаточно низкие и плоские, для того, чтобы оправдать употребление позиционного глагола, обозначающего горизонтальное положение предмета (ср., например, стаканы, рюмки, фужеры, следуя общему правилу, *стоят* на столе; вилки, ложки, ножи — *лежат* на столе), однако, разного вида тарелки и блюда всегда *стоят* на столе, *стоят* они и, например, в сушилке, занимая при этом вертикальное положение. Можно сказать, что таким образом ведут себя существительные, обозначающие низкий и достаточно плоский по форме предмет, служащий ёмкостью для какого-либо вещества, ср.: *пепельница стоит на столе*.

Интересно также, что, когда мы называем целое блюдо (кушанье и ёмкость, в которой оно находится), которое подаётся к столу, мы употребляем глагол *стоять*: торт *стоит* на столе, пирог *стоит*, блины,

салаты *стоят*. А когда мы называем отдельно блюдо и отдельно ёмкость, то употребляется глагол *лежать*: на блюде *лежал* огромный жареный поросёнок, салаты *лежали* в больших хрустальных салатницах, кусочек торта *лежит* на тарелке.

Итак, мы рассмотрели несколько частных случаев сочетаемости позиционных глаголов с некоторыми существительными. В этой связи можно отметить, что позиционные глаголы, сочетаясь с некоторыми существительными (не абстрактными и не в переносном значении) могут дублировать друг друга, то есть называть одно и то же положение тела в пространстве. А для некоторых групп существительных, наоборот, может быть характерно употребление лишь одного позиционного глагола, выражающего два различных положения тела в пространстве.

Итак, глаголы положения в русском языке представляют собой совершенно особую группу глаголов, отражающих особое «геометрическое» видение расположения предметов в пространстве, свойственное носителям русского языка. Уже одно это предполагает немалые трудности при выборе соответствующего глагола при порождении речевого акта у изучающих русский язык. Помимо множества функций, свойственных позиционным глаголам, им присуща различная степень «десемантизации», то есть большая или меньшая удалённость от основного значения выражения положения тела в пространстве. Кроме того, при употреблении позиционных глаголов с некоторыми группами существительных наблюдаются такие явления, как использование двух различных позиционных глаголов при обозначении одного и того же положения тела в пространстве и, наоборот, использование одного и того же глагола для обозначения двух различных положений тела в пространстве. В связи с этим обучение правильному употреблению глаголов положения должно включать знакомство как с различными их функциями и значениями, так и с их возможным нестандартным употреблением с определёнными группами лексем.

Л и т е р а т у р а

1. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28, 1986.
2. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
3. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
4. *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1986.
5. *Гак В. Г.* Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975.
6. *Зализняк А. А., Шмелёв А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
7. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю. М. Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 20. — 140 с. ISBN 5-317-00377-6

8. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
9. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
10. *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
11. *Шмелёв А. Д.* Могут ли слова быть ключом к пониманию культуры? (Предисловие) // Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
12. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.